

Глава 9. Разговор

Лу Дунцин постигал ремесло работы с бамбуком у строгого наставника и, как и его учитель, был немногословен. Слабое здоровье отца заставило его взвалить на себя семейные заботы, и потому к смеху он не был расположен. Из-за высокого роста и сурового лица он нередко пугал деревенских, которые были с ним плохо знакомы.

Вероятно, именно из-за этого грозного облика, многие геры и девушки боялись к нему подходить, не говоря уже о том, чтобы завести с ним разговор. Его мать долго переживала по этому поводу.

Но за последние пару дней, после знакомства с Цяо Суйманом, Лу Дунцин заметил нечто странное. Этот гер вроде бы его боялся, но в то же время не совсем. Заинтересованный, он неожиданно для себя начал говорить больше обычного:

— В северной части города есть аптечная лавка «Хуэйчунь-холл¹». Цены там честные, но идти лишние полчаса дороги. Если продать там, получишь немного больше денег.

Обычно он сам сбывал травы именно там и был знаком с одним из приказчиков.

Однако если Цяо Суйман, гер, пойдёт один и наткнётся на нечистую руку торговца, хорошей цены ему не видать. Поразмыслив, Лу Дунцин решил, что лучше ему самому отнести травы в лавку, избавив Цяо Суймана от лишних хлопот.

К тому же, раз Цяо Суйман уже понял, что аптечная лавка Лай Чуня пытается его обмануть, он, возможно, и сам догадается о другом месте. Прокрутив всё это в голове, Лу Дунцин озвучил своё предложение:

— Я знаю приказчика в «Хуэйчунь-холле». Если ты мне доверяешь, то можешь отдать всё мне, я продам и потом поделю выручку. Если хочешь идти сам — тоже не проблема. В любом случае делим поровну.

Услышав эти слова, Цяо Суйман с облегчением выдохнул. Его суждение оказалось верным. Этот человек был знающим и отзывчивым и, в отличие от деревенских мужчин, что издевались над ним, не пользовался силой, чтобы притеснять слабого.

В рыночные дни Цяо Суйман был привязан к своей лавке — он продавал напитки и не мог уйти с места. Старшему брату приходилось с раннего утра выходить на работу, а дядю Пина он не хотел лишним раз утруждать. Если Лу Дунцин согласен отнести травы в аптеку, то это и впрямь лучшее решение. Единственная проблема заключалась в том, что Цяо Суйман не мог позволить себе слишком часто показываться с Лу Дунцином в деревне, иначе люди обязательно начнут судачить. Сам он уже натерпелся слухов и не слишком уж переживал за себя, просто втягивать других не хотел.

— Тогда... тогда попрошу тебя отнести всё в «Хуэйчунь-холл». При таком солнце они высохнут за два дня. До пятнадцатого числа я попрошу брата принести их тебе, а ты передашь ему мою долю серебра. Так пойдёт?

Это был самый подходящий вариант, который смог придумать Цяо Суйман. Его брат ладил со всеми в деревне и всегда охотно помогал, так что никто и не подумает ничего дурного, если именно он займётся доставкой.

Не зная о тревогах Цяо Суймана, Лу Дунцин решил, что тот просто проявляет осторожность, и

без лишних раздумий согласился.

После этого они почти не разговаривали, сосредоточившись на сборе бамбуковых грибов. Цяо Суйман складывал их в бамбуковую корзину по одному, и каждый гриб словно на его глазах превращался в медную монету, отчего движения его становились всё быстрее и оживлённее.

Один, два, три... — он считал, срывая. Закончив участок, на котором работал в одиночку, гер насчитал восемьдесят четыре бамбуковых гриба. Он не смог сдержать расплывающейся улыбки. Это была настоящая неожиданная удача.

Хэйцзинь радостно бегал кругами.

Тем временем Лу Дунцин собрал оставшиеся поблизости бамбуковые грибы. Считать он не стал: в свежем виде они объёмные, а после сушки сильно ужмутся. Зато высокая цена это компенсирует — по меньшей мере четыре цянь серебра за цзинь.

Вместе их добыча после сушки потянет примерно на пять лян, а выручка составит около двух цянь. Сумма немалая: портовый рабочий за день зарабатывает всего двадцать-тридцать вэнь. Но так много бамбуковых грибов попадает редко, так что это не постоянный доход, на который можно содержать семью.

Лу Дунцин взял свою корзину и направился к Цяо Суйману, но замер, наткнувшись взглядом на его сияющее лицо. Цяо Суйман ещё совсем молод: щёки мягкие, с налётом юности, круглые глаза при улыбке светятся и изгибаются полумесяцами. Почему-то этот гер напомнил Лу Дунцину белку, запасающую орехи на зиму, с крошечными лапками, прижимающими сокровище к груди. Он невольно остановился, на миг ошеломлённый образом юноши.

Когда Цяо Суйман бросил на него взгляд, Лу Дунцин поспешно отвёл глаза, внезапно смутившись. Сначала рыба-ёж, теперь белка — что он вообще творит? Пялится как дурак? Если этот гер заметит, то в следующий раз наверняка станет его избегать.

Ничего не подозревая, Цяо Суйман с нетерпением ждал, когда Лу Дунцин отдаст ему его долю, чтобы поскорее вернуться домой и начать сушить грибы. После этого им с Цинь Юем ещё предстояло готовить напитки.

Приняв корзину из рук Лу Дунцина, он быстро переложил бамбуковые грибы в свою, мгновенно заполнив то место, что ещё минуту назад было наполовину пустым.

Подняв голову, он спросил:

— Четырнадцатого числа мой брат принесёт их тебе. А где именно ты живёшь в западной части деревни?

Лу Дунцин, державший теперь уже пустую корзину, не привык так много разговаривать с герами или молодыми девушками. Необычно для себя он занервничал, сглотнул и лишь потом ответил:

— Третий дом с западного края. Тот, перед которым самый высокий бамбуковый забор.

Убедившись, что Цяо Суйман не заметил его прежнего взгляда, Лу Дунцин тихо выдохнул с облегчением.

Цяо Суйман кивнул. Западная часть деревни была более отдалённой, там в основном селились

беженцы из других мест. Брат всегда предостерегал его не ходить туда, ведь кто знает, можно ли доверять приезжим. Но семья Лу казалась порядочной. Он украдкой взглянул на Лу Дунцина, словно подтверждая свои мысли, и снова кивнул.

Раз всё было решено, задерживаться в бамбуковой роще больше не имело смысла. Цяо Суйман ушёл первым, а Хэйцзинь послушно потрусил следом.

Лу Дунцин остался на месте, провожая его взглядом, пока тот не исчез из виду, и лишь затем пошёл домой другой тропой.

—

Когда Цяо Суйман вернулся домой, Цинь Юй под навесом переворачивал листья периллы, высушенные накануне. Старший брат ушёл помогать укреплять мост. Староста деревни опасался, что недавние проливные дожди ослабили конструкцию, и потому позвал нескольких крепких мужчин, чтобы подлатать её.

Мост был общественный, так что деревня кормила всех, кто работал. Староста был человеком добрым и часто звал его брата на подобные работы, ещё и уговаривал брать домой побольше еды.

Утром он узнал о вчерашнем происшествии и, увидев рану на голове брата, пришёл в ярость. Он настоял, чтобы тот отдохнул ещё несколько дней. Но брату не сиделось на месте, и Цинь Юй, убедившись, что травма несерьёзная, отпустил его.

Так как к обеду дома остались только они вдвоём, готовить много не пришлось.

Цяо Суйман поставил свою бамбуковую корзину под навесом и прошёл в главную комнату за ещё одним бамбуковым подносом — тем самым, что сплёл сам. Он был не особенно изящный, зато прочный и удобный: на нём сушили припасы или хранили овощи зимой. Цинь Юй подставил рядом низкий табурет, и Цяо Суйман сел на него, открыл корзину и снял слой одуванчиковых листьев², которыми были прикрыты нежные бамбуковые грибы.

Одуванчики он сорвал по дороге назад. Каждый раз, находя что-нибудь ценное, он по привычке прикрывал добычу дикой зеленью, чтобы не привлекать чужих взглядов. Однажды Линь Сюхуа резко распахнула его корзину, требуя показать, что внутри, и подняла шум. С тех пор Цяо Суйман научился прятать находки — либо под дикой зеленью, либо под полынью.

Радость от богатой добычи всё ещё не улеглась. Улыбаясь, Цяо Суйман принялся за чистку грибов: он аккуратно снимал чёрные шляпки, вытирал со стеблей грязь и складывал их на поднос рядом с Цинь Юем.

— Смотри, Цинь Юй-гэ, — сказал он, словно показывая сокровище.

Цинь Юй был уверен, что Цяо Суйман отправился лишь копать корни императы. Он никак не ожидал увидеть столько бамбуковых грибов — да ещё и больше, чем в прошлый раз. Та партия тогда ушла почти за один цянь серебра! Он тут же подключился к работе, воскликнув:

— Ничего себе! Где ты их столько нашёл? Их даже больше, чем тогда!

— Там же, где и в прошлый раз. Наверное, из-за дождей их в этом году больше выросло, — ответил Цяо Суйман, не останавливаясь и перекладывая очищенные грибы на поднос.

Он знал: как только брат узнает о договорённости с Лу Дунцином, нотаций не избежать. Ему нужен был союзник.

Исподтишка взглянув на Цинь Юя, Цяо Суйман понизил голос:

— Цинь Юй-гэ... они не все мои. Я нашёл их вместе с одним человеком из семьи Лу, из западной части деревни.

Выражение лица Цинь Юя изменилось.

Запада деревни? Он из семьи Лу? Он почти их не знал — лишь смутно помнил, что это два брата, которые перебрались сюда вместе с овдовевшей матерью. Цинь Юй слегка нахмурился, отложил в сторону гриб, который держал в руках, и бросил на Цяо Суймана косой взгляд, молча ожидая продолжения.

Цинь Юй его баловал, но в гневе был по-настоящему страшен. С трудом сглотнув, Цяо Суйман заставил себя говорить дальше:

— Мы... мы договорились, что он отнесёт их на продажу. Он знает приказчика в аптечной лавке в городе и может выбить цену получше. Я не могу сам с ним ходить, поэтому, когда грибы высохнут, попрошу брата отнести их. Он продаст всё и отдаст мою долю брату.

— Если он знаком с приказчиком из аптечной лавки, значит, это старший сын семьи Лу, — задумчиво произнёс Цинь Юй. Он иногда вместе с Чжоу Шуйфэнь прошивал подошвы для обуви и слышал от неё, что старший сын семьи Лу кое-что понимает в лекарственных травах.

Увидев, как Цяо Суйман опустил голову, Цинь Юй едва не расхохотался. Не удержавшись, он несколько раз хлопнул его по руке — тихо, но сердито:

— Ну и смелости у тебя хватает! Совсем его не знаешь, а уже сделки заключаешь! А если он прохвост? И ты ведь знаешь, что тебе нельзя с ним светиться. А если кто-нибудь увидел? Ты... эх!

— Я правда не думаю, что он плохой человек. Потому и предложил, — поспешно ответил Цяо Суйман, хватая его за руку. — Ай... Цинь Юй-гэ, не так сильно! У брата-зятя хватка была что надо. — Туда вообще никто не ходит. По дороге я никого не встретил.

Он тут же добавил:

— К тому же со мной был Хэйцзинь. Если бы он оказался плохим, я бы велел Хэйцзиню его укусить.

Он выразительно посмотрел на пса, и Хэйцзинь, как всегда преданный, поднял голову и несколько раз грозно гавкнул.

Тц. Опять этот старый приём. Цинь Юй сердито зыркнул на них обоих.

— А если он потом начнёт распускать слухи по деревне? Что ты тогда будешь делать?

Мир был жесток к женщинам и герам: даже беспочвенные сплетни могли навсегда запятнать репутацию.

Цяо Суйман был таким кротким, таким хорошим ребёнком... но столько всего вынес в столь юном возрасте. Он всегда был вежлив с деревенскими старейшинами, но это не мешало

некоторым называть его проклятием семьи. Цинь Юй и Цяо Жуйфэн приходили в ярость, но заткнуть все злые языки было невозможно. Тем более ещё вчера они сцепились с Линь Сюхуа...

Видя тревогу Цинь Юя, Цяо Суйман почувствовал укол вины. Он знал, как брат и его невестка бесконечно переживают из-за слухов, как из последних сил откладывают ему приданое — на случай, если он так и не выйдет удачно замуж и останется ни с чем.

Но разве он мог просто принимать это как должное? Брат, всего на семь лет старше, в одиночку его вырастил. Три года как женат! И Цяо Суйман не мог вечно оставаться обузой. Именно поэтому он так усердно работал, по крупицам зарабатывая деньги, чтобы хоть немного облегчить бремя семьи.

Не желая ещё больше тревожить Цинь Юя, он рассказал о своих прежних встречах с Лу Дунцином — в лесу и по дороге домой. Они столько раз пересекались, что Цяо Суйман и впрямь не верил, будто тот способен болтать лишнее.

В конце концов, этот человек почти никогда не разговаривал.

Цинь Юй замолчал, разрываясь между удивлением от скрытности Цяо Суймана и неохотным доверием к Лу Дунцину. Дети взрослеют и начинают что-то держать при себе. По крайней мере, пока ничего плохого не случилось. Остальное пусть улаживает Цяо Жуйфэн.

И всё же он винил себя: если бы не его больная нога в последнее время, он бы сам ходил в горы с Цяо Суйманом. Что ж... в следующий раз так и сделает.

— Цинь Юй-гэ, когда брат узнает... ты не мог бы замолвить за меня словечко? А то он мне потом проходу не даст, — жалобно попросил Цяо Суйман.

Заметив, что выражение лица Цинь Юя немного смягчилось, он поспешно добавил:

— Я больше так не буду. Буду держаться подальше от незнакомцев.

Нотации брата могли длиться бесконечно, после них у него иногда голова шла кругом. В этот раз ему оставалось лишь крепко уцепиться за полы одежды Цинь Юя.

Цинь Юй прекрасно понимал, о чём он думает, фыркнул, но ничего не сказал. Цяо Суйман принял это за согласие и с облегчением выдохнул. Подвинув корзину к Цинь Юю, он примирительно сказал:

— Тут ещё немного осталось почистить. Ты посиди, займись этим, а я приготовлю обед.

С этими словами он поспешил во двор, не дав Цинь Юю его остановить.

Хэйцзинь было рванул следом, но его мягко оттолкнули. Тогда пёс повернулся к Цинь Юю, положил голову ему на колени и уставился снизу вверх большими блестящими глазами.

Цинь Юй тяжело вздохнул. Хэйцзинь слишком хорошо перенял этот приём у Цяо Суймана — делать вид кроткого и послушного всякий раз, когда боялся его гнева.

И что самое худшее?

Это срабатывало каждый раз.

---

¹ □□□ — «Зал возвращения весны», название, намекающее на восстановление здоровья

² □□□ — листья одуванчика, используемые как дикорастущий овощ или лекарственная зелень

<http://bllate.org/book/15225/1356170>